Бурцев В. А. Особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25.

Burtsev, V. A. (2020). Features of the Use of Addressed Statements in Russian Orthodox Sermon. *Nauchnyi dialog, 10:* 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25. (In Russ.).

УДК 82-522+811.161.1’42:27-46
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25

Особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди

© **Бурцев Владимир Анатольевич (2020),** orcid.org/0000-0001-7987-8518, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), ivburcev@yandex.ru.

Рассматриваются особенности употребления адресованных высказываний с точки зрения понятия асубъективации, противопоставленной локутивной деятельности субъекта речи. Асубъективация определяется как присутствие в семантике высказывания точки зрения субъекта неассертивного суждения, которая не воспринимается сферой сознания говорящего и накладывает ограничения на значение иллокутивного акта. Основным методом выявления и описания асубъективации в адресованных высказываниях в проповеди признается выявление сферы действия и иллокутивной силы высказывания. Доказано, что адресованные высказывания в проповеди, вне зависимости от намерений говорящего, охватывают своей сферой действия любых участников коммуникации, включая лиц, оказавшихся случайными слушателями. Кроме этого, асубъективация проявляется как требование к говорящему исполнить иллокутивный акт «информатив», адресованный всем участникам коммуникации вместе, и одновременно — речевой акт «сообщение», которым регулируется адекватное взаимодействие с получателями речи при использовании языка в проповеди. В качестве материала рассмотрены высказывания, построенные на грамматической базе предложений с пропозициональными (сложные с придаточными дополнительными) и непропозициональными значениями (безличные с долженствующим сказуемым). Актуальность исследования связана с изучением нового типа отношений в семантико-синтаксической структуре предложения. Понятие асубъективации позволяет формулировать принципы, регламентирующие особенности референциальных отношений в структуре предложения с учетом специфики дискурса.

Ключевые слова: говорящий; адресат; русская православная проповедь; асубъективация; высказывание; иллокутивный акт; речевой акт.

1. Введение

Наряду с категорией субъекта речи широко исследуется категория адресата, в частности, средства ее выражения, отношение к речевым актам, жанрам и сферам коммуникации. Все эти явления в большей степени изучены на материале разговорной речи и публицистических текстов [Арутюнова, 1981; Каминская, 2008; Соловьева и др., 2012; Падучева, 1996, с. 75—80 и др.].

В данной работе материалом для исследования служат тексты русских православных проповедей. Язык проповеди имеет свои особенности. Речь идет об аспектах семантики высказывания, связанных с понятием асубъективации. Поня-

тие асубъективации, противопоставленное субъективности высказывания [Бенвенист, 1974, с. 292—300; Лайонз, 2003, с. 309—359], было введено в работах ученых французской школы анализа дискурса (ФШАД) [Квадратура …, 1999; Серио, 1999, с. 369—371]. Во ФШАД асубъективация трактуется как «подчинение субъекта высказывания универсальному субъекту, имплицированному преконструкцией термов, из которых строится высказывание» [Серио, 1999, с. 369—370]. Подчинение состоит в том, что а) основу референции языковых форм пресуппозиции (при ее переводе в ассерцию) составляет другой субъект[1], а не говорящий, то есть говорящий не проявляет себя как автор речевого акта; б) проекция пресуппозиции под отрицание порождает не субъективно обоснованное стандартное отрицание (1б), а новый концепт по отношению к ситуации, обозначаемой предложением (2б).

(1а) *Берите ипотеку.*

(1б) *Не берите ипотеку*.

(2а) *Веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца* [Илиодор, еп., 1839, с. 21—22].

(2б) **Не веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца*.

Интерпретации высказываний (1а—1б) отличаются друг от друга только наличием/отсутствием отрицания, никаких других смысловых противопоставлений между ними нет. Следовательно, пропозициональное содержание в (1а—1б) является субъективно обоснованным, а (1а) и (1б) оба истинные.

В (2б) отрицание строит пропозицию, которая неприемлема в дискурсе проповеди и не может использоваться в речевом акте говорящего в проповеди[2].

В [Бурцев, 2017; Бурцев, 2020] понятие асубъективации было применено к материалу повелительных и связочных предложений в текстах русской православной проповеди. В этих работах показано, что множество интерпретаций этих типов предложений ограничено в проповеди и в принципе не зависит от прагматических факторов. Ключом к их семантически конкретной интерпретации как собственно религиозных высказываний является асубъективация. Она накладывает ограничения на конституирующие признаки высказывания: пропозициональное содержание и иллокутивную функцию.

Актуальность исследования связана с изучением нового типа отношений в семантико-синтаксической структуре предложения. Понятие асубъективации позволяет сформулировать принцип, регламентирующий особенности референциальных отношений в структуре предложения, используемого в конкретном подъязыке, а также обеспечивает возможность установления семантической эквивалентности высказываний.

1 Другой субъект — это автор пресуппозированного высказывания, которое в текущем высказывании находится на правах неутвержденной предикативной формы. Подробнее о «другом субъекте» с позиций ФШАД [Отье-Ревю, 1999]. Так как роль другого субъекта может быть взята на себя любым индивидом, способным к самоидентификации в данной позиции, то во ФШАД другой субъект дополнительно определяется как «универсальный субъект» [Серио, 1999б, с. 369—370].

2 Обоснование повелительных предложений в проповеди как пресуппозиций (= преконструктов) проведено в работе [Бурцев, 2017].

В данной работе асубъективация определяется как присутствие в семантике высказывания точки зрения субъекта неассертивного суждения, которая не воспринимается сферой сознания говорящего[1] и накладывает ограничения на значение иллокутивного акта.

Какие факторы, прагматические или связанные с асубъективацией, влияют на особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди? Этот вопрос недостаточно изучен. Не совсем ясно также, с применением какой методики можно найти его решение. В данной работе предпринимается попытка с помощью анализа сферы действия и иллокутивных функций адресованных высказываний определить, можно ли утверждать, что адресация высказываний в проповеди обусловлена асубъективацией, а также установить, какую роль адресата выбирает субъект речи, конструируя высказывания в языке проповеди.

В разделе 2 статьи приводятся результаты нескольких исследований категории адресата в религиозных текстах и, в частности, в проповеди; в разделе 3 определяется тип адресата в проповеди на основе критерия его информированности после речевого акта; раздел 4 посвящен описанию механизма асубъективации адресованных высказываний в проповеди на материале предложений с пропозициональными и непропозициональными значениями[2].

2. Проблема типов адресата в текстах церковно-религиозного стиля

Адресат (слушающий, получатель речи, рецептор, интерпретатор, декодирующий, собеседник, аудитория и др.) — это второй (пассивный) участник коммуникации [Арутюнова, 1981, с. 358]. Под адресованными понимаются высказывания, содержащие средства обозначения адресата (обращения, местоимения) и средства активизации его внимания (наклонения, модальные слова и др.).

В типологическом (ролевом) аспекте проблема адресата религиозных текстов решалась в рамках прагматического подхода. Некоторые исследователи в рамках этого подхода характеризуют типы адресата как определенным образом выделенные адресантом те или иные социальные общности. Так, в работе [Щукина и др., 2014, с. 38] типы адресата устанавливаются с опорой на фактическую информацию (темы высказываний), актуализирующую гендерные, географические и др. характеристики адресата. В частности, анализом примеров (3—4) в этой работе констатируется, что (3) обращено к москвичам, а (4) — к женщинам:

1 Сфера сознания говорящего — знания, оценки, мнения, точка зрения говорящего как автора конкретного высказывания, обращенного к конкретному адресату в конкретный момент времени.

2 Следует сказать, что результаты проведенного нами анализа проецируются на все множество высказываний (на базе рассмотренных типов предложений), которые реально употребляются или потенциально возможны в проповеди. Объяснение этому мы видим в том, что язык проповеди — это дискурс. В дискурсе только, в отличие от речи, возможно «тождество (закономерность, регулярность) высказываний» (термины из [Фуко, 2004, с. 268, 271]). В определении дискурса следуем работе [Степанов, 1995], в которой дискурс характеризуется как фрагмент мира, подъязык в системе языка, служащий для выражения особой ментальности и носящий характер закрытой системы [Степанов, 1995, с. 43, 70].

(3) *…Возможно ли нам … оставить московскую прописку…*

(4) *Еще в прошлом веке рожали по 7—8 детей и великосветские барыни, и простые крестьянки.*

В исследовании [Бобырева, 2007] типы адресата определены по соответствию с социально-психологическими характеристиками человека, отражающими его религиозную позицию. Согласно этой работе, группы и типы адресатов религиозного дискурса следующие: верующие и неверующие. В группе верующих — глубоко верующие и сочувствующие; в группе неверующих — сочувствующие атеисты и воинствующие атеисты. Этот же подход используется в работах [Карасик, 2002, с. 222; Мишланов и др., 2008].

Еще один способ (в рамках прагматики) — характеризовать адресатов религиозных текстов по статусным отношениям в коммуникации [Михальская, 1996]. По этому критерию адресаты и субъект речи в проповеди определяются как равноправные (симметричные) речевые партнеры. Значение симметричности обнаруживается в семантике местоимения *мы*. В [Михальская, 1996, с. 64—66] «мы» в проповеди трактуется как «мы соборное» — в соответствии с ключевой для православной культуры категорией соборности. С данным значением «мы» — это интеграция «я» с членами православного сообщества, воспринимаемыми говорящим как братья, как семья.

Итак, ряд исследователей считает, что факторы, обусловливающие роль адресата в религиозных текстах, в частности в проповеди, следующие: 1) тема речи, 2) социально-психологические характеристики адресата, 3) статусные отношения участников общения.

С нашей точки зрения, все случаи адресованных высказываний, имеющиеся в проповеди, нельзя свести к проявлению прагматических факторов. При проверке их действия применительно к проповеди выясняется следующее.

1. Выражения, которые можно было бы рассматривать в свете фактора «тема речи», в проповеди встречаются редко. В основном же представлены такие обозначения адресата, которые не индивидуализируют объект. Это, в частности, выражения, как в примерах (5—7), с этикетным обращением (5), местоимением *мы* (*нам*) (6) и кванторным прилагательным (7):

(5) ***Дорогие во Христе братья и сестры!*** *Чистота сердца … есть основа основ христианской жизни* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 42].

(6) *Но … всепрощающей любовью Господней даровано* ***нам*** *покаяние* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 13].

(7) *На суде Божием …* ***каждый*** *получит заслуженное* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 10].

По нашим наблюдениям, такие формы адресованных высказываний составляют большинство в проповедях. Другие исследователи также не говорят о том, что есть какие-то специфические обозначения, индивидуализирующие получателя речи в религиозном тексте. Эти факты свидетельствуют в пользу следующего вывода: адресат религиозных текстов — обобщенный (массовый, коллективный) [Крылова, 2003, с. 613].

2. Учет социально-психологического фактора порождает проблему эмпирического обоснования деления фигуры адресата на типы, в частности, дифференциацию по степени воцерковленности адресата[1]. Представляется, что такой подход важен в первую очередь для описания признаков идеального образца стиля или дискурса (как, например, это сделано в [Карасик, 2002, с. 222], где типы адресатов религиозного дискурса представлены как элементы единого номинативного поля религиозного общения).

3. В соответствии с фактором, применяемым в работе [Михальская, 1996], характер адресата следует устанавливать в свете использующихся в проповеди приемов диалогизации. Основная нагрузка при интерпретации адресованных высказываний в проповеди здесь также ложится на интенциональный уровень производства высказывания. Однако адресованные высказывания с местоимением *мы* в проповеди не могут рассматриваться как произведенные в результате субъективной деятельности адресанта в полном смысле этого слова. Проблема здесь состоит в том, что *мы* в проповеди, кроме значения соборности, других интерпретаций не допускает. Между тем, как неоднократно отмечалось в литературе, форма местоимения 1-го лица множественного числа свободно реализует в контексте целый ряд подчеркнуто прагматических функций [Бондарко, 1991, с. 37; Химик, 1991].

Итак, номинативное поле для обозначения получателей речи в проповеди не очень широкое, и основные средства обозначения слушателей употребляются применительно к обобщенному адресату. Вместе с тем группа «обобщенный адресат» может задаваться по-разному [Химик, 1990, с. 35—49]. Например, можно считать совокупного адресата в предложении: *Вот почему так важно нам вспоминать того святого, во имя которого мы названы* [Сурожский, митр., 2009, с. 298] тотальным, а не просто обобщенным, включив в *мы* сему «отстраненности» (*они*) — наряду с «адресантностью» (*я*) и адресатностью (*ты*) [Химик, 1991, с. 42—44, 48—49]. Таким образом, прежде всего, нужно выяснить «состав» совокупного адресата в проповеди.

3. Определение типа адресата в проповеди на основе критерия его информированности после речевого акта

Впервые классификация адресатов с учетом информированности коммуникантов после речевого акта (то есть с точки зрения аудитории) проведена в работе [Кларк и др., 1986]. Их классификация позволяет вести изучение связи между говорящим и получателем речи не только в речевом, но и дискурсном режиме.

Г. Г. Кларк и Т. Б. Карлсон исходят из того, что при осуществлении речевого акта в коммуникации могут участвовать поодиночке или одновременно слушающие, участники и адресаты. Эти понятия определяются в данной работе следующим образом. Слушающие — это случайные слушатели, которых говорящий не намеревался включить в число участников речевого акта. Слушающие — просто свидетели речевого акта, который им не адресован. Например, А разговаривает с Б,

1 Ср.: православный проповедник «не делит» аудиторию на социальные группы и на группы по отношению к вере [Михальская, 1996, с. 64].

но это слышит также и С, который случайно оказался свидетелем разговора. Следовательно, в рамках данного акта общения С является слушающим.

Участники — тип слушающих, которые не являются адресатами именно данного речевого акта, но они также участники разговора, и им могут быть адресованы другие речевые акты в рамках этого разговора. Например, А разговаривает и с Б, и с С, но в данный момент он сообщает информацию, которая касается только Б. Участниками в этом коммуникативном акте являются Б и С.

Адресаты — это такие участники, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение. Из вышеприведенных определений следует, что статусом адресата должен обладать только Б.

Следуя данным определениям, можно утверждать, что если высказывание содержит обращение, то коммуникативная роль получателя речи — это роль адресата. Примером служат многочисленные высказывания типа (8), в которых прямым интерпретатором сообщения должен быть адресат, а не слушающий или участник коммуникации.

(8) *Сегодня мы с вами, **дорогие братия и сестры**, чтим память … апостола и евангелиста Иоанна Богослова …* [Кирилл (Павлов), архим., 2000, с. 176].

Помимо обращений, обоснованием для выделения адресата как базового типа получателя речи в проповедях является синтаксический контекст обращений. Синтаксический контекст создается наличием того или иного элемента в том же предложении [Падучева, 1996, с. 11]. В примерах (9—11) синтаксический контекст обращений создается за счет употребления обстоятельства времени *сегодня* и функционально подобных ему (по признаку темпоральности) номинативных единиц (*память великого князя Александра Невского; Новый год; Великий Четверг*).

(9) ***Сегодня, дорогие мои**, мы **прославляем** святого … князя **Александра Невского*** [Николай, митр., 1957, с. 33].

(10**) *Наступает новый год** … Не правда, ли, **дорогие мои**, время, по образному сравнению св. Григория Богослова, это постоянно льющийся поток …* [Николай, митр., 1957, с. 72].

(11) *... **Возлюбленные о Господе братья и сестры**! **Великий Четверг**… День особенный…* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 808].

Идею об обобщенном адресате в проповеди подтверждают также примеры неиндикативных типов предложений с обращениями[1].

3.1. Выявление сферы действия адресованного высказывания в проповеди

В текстах проповедей многочисленны примеры, когда обращения можно анализировать как элементы эмоционально-волевого языка. Обращение как элемент эмоционально-волевого языка появляется в речи чаще всего совместно с императивом [Кручинина, 1990, с. 340]:

(12) ***Постараемся же, браться и сестры, так потрудиться** Господу, чтобы каждую из возмущающих нас страстей исправить добродетелью…* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 111].

1 Примеры рассмотрены ниже на материале долженствующих высказываний.

По нашему мнению, в принципе в любых предложениях с субъективной модальностью (в широком понимании — когда говорящий выражает свое мнение по поводу того или иного положения дел или свою волю [Лайонз, 2003, с. 347]) обращение используется как элемент эмоционально-волевого языка. С этой точки зрения и высказывания типа (12), и высказывание типа (13) должны иметь получателем речи адресата (что постулируется в [Кларк и др., 1986]), а не участника или слушающего:

(13) ***Дети****, закройте окно.*

Однако можно полагать, что высказывание (12) и все другие подобные ему из проповеди, если их сравнивать с разговорными или, например, художественными, отличаются тем, что в проповеди получателями речи являются адресаты, участники и слушатели все вместе, а не по отдельности; а также тем, что такая сфера действия адресованного высказывания обусловлена асубъективацией, а не субъективной деятельностью говорящего.

Наши аргументы следующие. Примеры (12, 13) следует признать высказываниями, ориентированными на разные типы получателей речи, так как анализ по выявлению типа адресата с учетом сферы действия речевого акта дает разный результат в их отношении. Так, (12) адресовано каждому, кто слышит говорящего, а (13) — только адресату. В качестве способа выявления получателя речи использовался «условный анализ обращений» из [Кларк и др., 1986, с. 303—304]. Условный анализ обращений состоит в том, чтобы перифразу исходного высказывания представить в форме условного предложения, выражающего прагматическое значение просьбы. Коммуникативная особенность условных просьб заключается в том, что они предоставляют право осуществления действия просьбы только адресату, а не участнику или слушающему. Условный анализ на примерах из [Кларк и др., 1986] состоит в том, что высказывание (14), которое является обычной просьбой, можно рассматривать как эквивалентное высказыванию (15), являющемуся условной просьбой, или условным иллокутивным актом просьбы:

(14) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Тот, кто будет уходить последним, выключите свет*.

(15) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Если вы окажетесь последними из тех, кто будет уходить, выключите свет* [Кларк и др., 1986, с. 304].

Согласно [Кларк и др., 1986, с. 304], если Алистер — это тот, кто выполняет просьбу, то он адресат. Если просьбу выполняет Фергус, то адресат он. То есть в примере (14) адресатами могут быть и Алистер, и Фергус. Однако не очень понятно, как определить, кто может быть настоящим адресатом просьбы. Другими словами, условный анализ обращений не распространяется на случаи, когда необходимо установить одного определенного человека как адресата в кругу тех лиц, кто слышит просьбу говорящего. Это отмечено и в [Кларк и др., 1986], где в данной связи предлагается считать условный подход неадекватным для выявления типа получателя речи. По нашему мнению, условный анализ является действенным, если не ставится задача указать конкретного получателя речи, то есть единичного субъекта-лица в «контексте адресатности», когда адресат может вступить в диалог с говорящим в рамках данной коммуникативной ситуации [Химик, 1991, с. 53—54]. В проповеди нельзя

указать единичного субъекта-лица в контексте адресатности, но условный анализ обращений, с нашей точки зрения, является релевантным для определения того, участвуют в коммуникации слушающие поодиночке или одновременно все вместе. Мы предлагаем модифицировать условный анализ обращений, представив в условном придаточном именную группу, называющую адресата (не важно какого) в сфере действия отрицания, результатом чего окажется истинностное представление предложения, и в этом представлении тип получателя речи будет определен в силу своей жесткой связанности с адресованным высказыванием.

(16) *Христианин! Отрадно тебе слышать, сколь ты высок …: но елико ты высок, толико смиряйся, — смиряйся пред Богом и человеками* [Григорий, архиеп., 1853, с. 24].

(16а) *Если ты слушающий, и ты высок, то, как бы ты ни был высок, смиряйся.*

(16б) **Если ты не слушающий, то к тебе это не относится.*

В речевом акте условной просьбы высказывание (16а) является приемлемым для проповеди; высказывание с отрицанием (16б) — неприемлемым. Неприемлемость (16б) мы можем объяснить тем, что даже случайные слушающие не могут считать себя свободными от выполнения прескрипций, подобных примеру (16). То есть невозможна ситуация, в которой кто-либо способен считать, что, может быть, для других применима ситуация из (16а), но не для меня.

Примеры данного типа позволяют сделать вывод, что в проповеди все высказывания с обращениями нацелены на адресатов, участников и слушающих всех вместе.

3.2. Выявление сферы действия адресованных высказываний за пределами дискурса проповеди

За пределами дискурса проповеди действие этой закономерности прямо распространяется на примеры типа (17). Пример (17) — приводился выше под номером (13) — из разговорной речи. Он показывает, что получатель речи — адресат, а не участники или случайные слушающие, так как из множества свидетелей речевого акта он выделяет только детей.

(17) *Дети, закройте окно.*

(17а) *Если вы дети, закройте окно*.

(17б) *Если вы не дети, то к вам это не относится*.

То же верно для художественной речи (в которой разъединение адресата и слушателя — норма [Падучева, 1996, с. 210]). Пример (18) из поэзии, где обращение к адресату — традиционный поэтический прием.

(18) *О милый гость, святое Прежде, / Зачем в мою теснишься грудь* (В. А. Жуковский. Песня (Минувших дней очарованье...)).

(18а) *Если ты милый гость, то зачем в мою теснишься грудь*.

(18б) *Если ты не милый гость, то к тебе это не относится*.

Теперь рассмотрим (19):

(19) *Граждане, будьте внимательны при переходе улицы*.

Употребление этикетного обращения *гражданин* показывает, что говорящий должен вести себя по отношению к участникам и слушателям так же, как по отношению

к адресатам. То есть информировать любых возможных получателей речи о том, о чем он информирует адресата. В том случае, если бы информация в (19) была каким-нибудь образом направлена на отдельных участников речевого акта, то в контексте обращения высказывания (19а-б) воспринимались бы как семантически неправильные.

(19а) **Если вы граждане, будьте внимательны.*

(19б) **Если вы не граждане, то к вам это не относится.*

С другой стороны, в соответствии с [Кларк и др., 1986, с. 285], говорящий в речи может конструировать высказывания так, что у слушающих формируются те или иные гипотезы (правильные или неправильные) или они совсем не формируются относительно того или иного положения дел. Например, из интерпретации (19) в прагматическом контексте у некоторых слушателей может возникнуть гипотеза, что они не включены говорящим в категорию граждан, и тогда (19) будет расценено как высказывание, рассчитанное только на адресата. Другими словами, даже если обращение этикетное, то адресованное высказывание с ним за пределами дискурса регулируется намерениями и установками говорящего. Между тем примеры из проповеди (16) приводят нас к выводу, что получателем речи здесь может быть только недифференцированный адресат, то есть адресаты, слушатели и участники все вместе. Возникает вопрос: по какой причине в дискурсе проповеди получатель речи всегда интерпретируется обобщенно? В следующем разделе излагаются аргументы в пользу того, что причиной этому является асубъективация.

4. Асубъективация в адресованных высказываниях из проповеди

В этом разделе статьи фокус внимания — выявление иллокутивной силы адресованных высказываний в проповеди. Согласно [Кларк и др., 1986], чтобы обозначить всех участников коммуникации одновременно как получателей речи, говорящий использует иллокутивный акт «информатив». Важной характеристикой информативов является то, что они обеспечивают также всех участников коммуникации знанием о том, иллокутивный акт какого вида в отношении их совершает говорящий: например, «информатив + просьба (приказ, утверждение и т. п.)». Применительно к нашему материалу необходимо выяснение того, иллокутивный акт какого вида используется говорящим при осуществлении информатива.

Для проповеди характерна ситуация, когда речевой акт определенного вида оформляется разными грамматическими и семантическими типами предложений. Поэтому в качестве материала рассматриваются и предложения с пропозициональным значением (изъяснительные сложноподчиненные), и предложения с непропозициональным значением (с предикатами долженствования).

4.1. Иллокутивное значение высказываний на базе изъяснительных предложений в проповеди

Мы считаем, что изъяснительные предложения употребляются в проповеди в речевом акте, являющимся для проповеди основным, кроме повелительных предложений. Это речевой акт «сообщение». Обоснуем данный тезис на примере (20):

(20) *Из сего видно, что благотворная сила закона простирается на все существо человека* [Менетров, свящ., 1905, с. 77—78].

В случае изъяснительных предложений интерпретация иллокутивного значения следует непосредственно из семантико-синтаксических отношений между подчиненной пропозицией и вводящим ее предикатом. Мы имеем в виду, что (20) и другие подобные теоретически допускают трактовку придаточных частей как предикаций с презумптивным пропозициональным статусом [Падучева, 1974, с. 197]. Синтагматические условия реализации презумптивного статуса подчиненных предикаций — это возможность их сочетания с фактивными предикатами, в частности, с глаголом *сообщать*. Если воспользоваться перформативной гипотезой, то представление изъяснительного предложения в проповеди в контексте речевого акта выглядит следующим образом.

(20а) *Сообщаю вам, что благотворная сила закона простирается на все существо человека.*

Необходимо отметить, что отрицание подчиненной предикации из (20) делает неприемлемым все высказывание. Это показывает (20б):

(20б) *Из сего видно, что благотворная сила закона не простирается на все существо человека.*

Значит, мы действительно имеем дело с презумпцией как условием семантической неаномальности высказывания [Падучева, 2013, с. 38], а не с импликатурой, аллегацией или вторичной ассерцией [Падучева, 2013, с. 30—40].

Такое положение дел характерно для дискурса и не характерно для других условий употребления языка. Это иллюстрируют примеры из (21), где утвердительные и отрицательные придаточные могут быть равно истинными или ложными (в зависимости от прагматического контекста):

(21а) *Вполне возможно, что Константин — владелец* ***номинальный (не номинальный)****.*

(21б) *Я был почти уверен, что предпочтение* ***отдадут (не отдадут)*** *«законной» очереди* [НКРЯ].

Таким образом, иллокутивным значением изъяснительного предложения в проповеди является «сообщение», поскольку речевые акты, содержащие прагматический компонент значения (каким бы он ни был), приводят к разрушению дискурса.

4.2. Иллокутивное значение долженствующих высказываний в проповеди[1]

(22) *Молясь, мы непременно* ***должны взять*** *в свою власть сердце и обратить его к Господу* [Святой Иоанн Кронштадтский, 1992, с. 9].

В связи с проблемами модальности долженствующим конструкциям посвящено определенное количество работ [Цейтлин, 1990; Кобозева и др., 1991; Кобозева, 2004, с. 242—247 и др.]. Однако с интересующей нас точки зрения долженствующие предложения рассматривались редко. Например, в [Цейтлин, 1990] коротко характеризуются ситуации необходимости по признаку персональности. В этой работе отмечено, что с помощью модальных лексем выражаются различные оттенки

1 Только со сказуемым, в котором инфинитив выражен формой совершенного вида.

побуждения типа «просьба», «пожелание», «совет» и др. [Цейтлин, 1990, с. 156]. Мы, безусловно, учитываем эти факты. Однако считаем, что в проповеди семантика императивности долженствующих высказываний осложнена асубъективацией.

Основной аргумент, что долженствование в проповеди осложнено асубъективацией, — это возможность интерпретировать долженствование в контексте деонтической необходимости. Так как деонтическое значение — это область объективной (пропозициональной) модальности [Кобозева, 2004, с. 245], то это может служить семантической мотивировкой для характеристики иллокутивного значения как сообщения.

Отличить деонтическое значение от других модальных можно с помощью следующего теста [Падучева, 2013, с. 211—218]. Если при отрицании предиката долженствования обязательна замена совершенного вида на несовершенный, то контекст долженствования — деонтический. Такая замена обязательна для примеров из проповеди (22):

(23) ***Надо*** *каждому из нас* ***одуматься, раскрыть*** *глаза на свои скверны,* ***понять,*** *что мы со своими нераскаянными грехами стоим на краю бездны…* [Николай, митр., 1954, с. 180].

(23а) ***Не надо*** *каждому из нас* ***одумываться, раскрывать глаза, понимать…***

Важно отметить, что в примерах исходное высказывание и высказывание с его отрицанием — это не только пара отрицающих друг друга высказываний. Присоединение отрицания до такой степени меняет истинностное значение высказывания, что оно становится неприемлемым в проповеди. По нашему мнению, если при непропозициональном предикате отрицание порождает неприемлемое высказывание, то оно свидетельствует, что иллокутивное значение исходного неотрицательного высказывания — сообщение. То есть побуждение как специфически языковое значение долженствования в речевом акте в дискурсе является цитатой, голосом другого субъекта.

В работе [Бурцев, 2017] этот механизм асубъективации (на примере повелительных предложений) объясняется тем, что в проповеди не действует правило субъективной обоснованности. Значение высказывания считается субъективно обоснованным при условии, что отрицание побуждения так же приемлемо, как и его утверждение. Например, в высказывании предложения (24) это правило действует:

(24) ... ***Пользуйтесь*** *традиционными медиа* [Андрей Быстрицкий. Телевизионная вышка или сервер? Что брать? // Известия, 2014.05.28. НКРЯ].

(24а) ***Не пользуйтесь*** *традиционными медиа…*

Таким образом, как и в случае с повелительными предложениями, употребление долженствующих предложений не подчиняется правилу субъективной обоснованности, так как деятельность говорящего, если она будет состоять, в частности, из отрицания долженствования, способна разрушить дискурс проповеди.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, все случаи адресованных высказываний, имеющиеся в проповеди, нельзя свести

к проявлению прагматических факторов. В проповедях представлены такие обозначения адресата, которые не индивидуализируют объект каким бы то ни было способом. Адресат религиозных текстов — массовый, коллективный. При нашем подходе это обобщение получено путем выявления типа адресата на основе критерия его информированности после речевого акта. Во-вторых, адресованные высказывания в проповеди охватывают своей сферой действия любых участников коммуникации, включая лиц, оказавшихся случайными слушателями. В-третьих, адресованные высказывания в проповедях подвергаются асубъективации: при любой попытке представить адресованное высказывание как результат субъективной деятельности говорящего оно становится неприемлемым в дискурсе проповеди. На фоне адресованных высказываний из проповеди аналогичные высказывания из других сфер коммуникации свободно допускают субъективную деятельность говорящего по построению семантики высказывания. В-четвертых, асубъективация проявляется не только как требование к говорящему исполнить иллокутивный акт «информатив», который адресован всем участникам коммуникации вместе, но и одновременно — речевой акт «сообщение», регулирующий адекватное взаимодействие с получателями речи, когда язык используется как дискурс.

Источники и принятые сокращения

1. *Антоний (Сурожский), митрополит*. Во имя Отца и сына и святого духа. Проповеди / Антоний (Сурожский), митрополит. — Клин : Фонд Христианская жизнь, 2009. — 416 с.

2. *Владимир (Иким), митрополит*. Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким), митрополит. — Москва : Сибирская Благозвонница, 2009. — 925 с. — ISBN 978-5-91362-229-7.

3. *Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский*. Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский. — Санкт-Петербург, 1853. — Т. II. — 363 с.

4. *Илиодор*, епископ. Словесное млеко или собрание слов, произнесенных к курской пастве Илиодором, епископом Курским и Белгородским : в 2 ч. / Илиодор, епископ Курский и Белгородский. — Санкт-Петербург, 1839. — Ч. 1. — 195 с.; Ч. 2. — 167 с.

5. *Кирилл (Павлов), архимандрит*. Ищите прежде Царствия Небесного : проповеди / *Кирилл (Павлов), архимандрит*. — Москва : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. — 448 с.

6. *Менетров М., священник.* Пастырские наставления. Праздничные поучения / М. Менетров, священник. — Москва : Издание журнала Воскресный день, 1905. — 184 с.

7. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ruscorpora.ru. (дата обращения — 08.06.2020).

8. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский*. Слова и речи : т. II—IV. Т. 3 (Слова, речи и статьи. 1954—1957 гг.) / Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1954. — 487 с.

9. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский*. Слова и речи : т. II—IV. Т. 4 (Слова, речи и статьи. 1954—1957 гг.) / Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1957. — 472 с.

9. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя

в Боге / Святой праведный Иоанн Кронштадтский. — Москва ; Санкт-Петербург : Лествица-Диоптра, 2002. — 576 с.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40, № 4. — С. 356—367.

2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.

3. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Бобырева. — Волгоград, 2007. — 42 с.

4. *Бондарко А. В.* Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — Санкт-Петербург : Наука, 1991. — С. 5——41. — ISBN 5-02-028006-2.

5. *Бурцев В. А.* Проблема субъективности высказывания в дискурсе на примере повелительных предложений / В. А. Бурцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — Т. 14, Вып. 4. — С. 567—582. — DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406.

6. *Бурцев В. А.* Употребление связочных предложений в дискурсе русской православной проповеди в контексте речевого акта / В. А. Бурцев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 103—114. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114.

7. *Каминская Т. Л.* Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» / Т. Л. Каминская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 12. — С. 47—55.

8. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5–88234–552.

9. *Квадратура* смысла : французская школа анализа дискурса / общ. ред., вступ. ст. П. Серио. — Москва : Прогресс, 1999. — 416 с. — ISBN 5-01-004414-5.

10. *Кларк Г. Г.* Слушающие и речевой акт / Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. Вып. 17. Теория речевых актов. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 270—321.

11. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 352 с. — ISBN 5-8360-0165-0.

12. *Кобозева И. М.* Семантика предикатов долженствования в русском языке / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Russistik. — 1991. — № 1. — С. 68—76.

13. *Кручинина И. Н.* Обращение / И. Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 340—341. — ISBN 5-85270-031-2.

14. *Крылова О. А.* Церковно-религиозный стиль / О. А. Крылова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта, Наука, 2003. — С. 612—616. — ISBN 5-89349-342-7

15. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика : введение / Дж. Лайонз. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 400 с. — ISBN 5944571284.

16. *Михальская А. К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. — Москва : Academia, 1996. — 192 с. — ISBN 5-7695-0017-4.

17. *Мишланов В. А.* О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля / В. А. Мишланов, Е. С. Худякова // Филологические заметки. — 2008. — Т. 2. — С. 28.

18. *Отье-Ревю Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 54—94. — ISBN 5-01-004414-5.

19. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1974. — 292 с.

20. *Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 303 с. — ISBN 978-5-9551-0657-1.

21. *Падучева Е. В.* Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-88766-046-5.

22. *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 337—383. — ISBN 5-01-004414-5.

23. *Соловьева Н. В.* Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Н. В. Соловьева, Е. А. Медведева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 32 (286). — С. 107—111.

24. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сборник статей. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. — С. 34—72.

25. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия ; Университетская книга, 2004. — 416 с. — ISBN 5-93762-034-8.

26. *Химик В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1990. — 182 с. — ISBN 5-288-00466-8.

27. *Цейтлин С. Н.* Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 142—156. — ISBN 5-02-028005-4.

28. *Щукина И. Н., Хазанжи Е. А.* Средства воздействия в православном дискурсе / И. Н. Щукина, Е. А. Хазанжи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2014. — Вып. 1 (25). — С. 36—47.

Features of the Use of Addressed Statements in Russian Orthodox Sermon

© **Vladimir A. Burtsev (2020),** orcid.org/0000-0001-7987-8518, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Methods of its Teaching and Documentation Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University" (Yelets, Russia), ivburcev@yandex.ru.

The features of the use of addressed utterances are considered from the point of view of the concept of asubjectivation, as opposed to the locuous activity of the subject of speech. Asubjectivation is defined as the presence in the semantics of the statement of the point of view of a non-assertive judgment subject, which is not perceived by the speaker's sphere of consciousness and imposes restrictions on the meaning of the illocutionary act. The main method for identifying and describing asubjectivation in addressed utterances in a sermon is the identification of the scope and illocutionary force of the utterance. It has been proven that addressed utterances in a sermon, regardless of the speaker's intentions, cover any communication participants, including those who turn out to be casual listeners. In addition, asubjectivation manifests itself as a requirement for the speaker to perform the illocutionary act "informative", addressed to all participants in communication together, and at the same time — the speech act "message", which regulates adequate interaction with the recipients of speech when using the language in the sermon. As a material, the authors considered statements built on the grammatical base of sentences with propositional (complex with additional clauses) and non-propositional meanings (impersonal with a due predicate). The relevance of the research is associated with the study of a new type of relationship in the semantic-syntactic structure of the sentence.

The concept of asubjectivation allows us to formulate principles that regulate the features of referential relations in the structure of a sentence, taking into account the specifics of discourse.

Key words: speaker; destination; Russian Orthodox preaching; asubjectivation; utterance; illocutionary act; speech act.

Material resources

Antoniy, (Surozhskiy), mitropolit. (2009). *Vo imya Ottsa i syna i svyatogo dukha. Propovedi* [In the name of the Father and the son and the holy spirit. Sermons]. Klin: Fond Khristianskaya zhizn'. 416 p. (In Russ.).

Grigoriy, arikhiepiskop Kazanskiy i Sviyazhskiy. (1853). *Slova ili besedy na vse voskresnye i prazdnichnye dni v godu, s prisovokupleniem slov i rechey na nekotorye osobennye sluchai, skazannye sinodalnym chlenom, Grigoriem Arkhiepiskopom Kazanskim i Sviyazhskim* [Words or conversations on all Sundays and holidays of the year, with the addition of words and speeches on some special occasions, spoken by the synodal member, Gregory Archbishop of Kazan and Sviyazhsky]. Sankt-Peterburg. *2*: 363 p. (In Russ.).

Iliodor, episkop. (1839). *Slovesnoe mleko ili sobranie slov, proiznesennykh k kurskoy pastve Iliodorom, episkopom Kurskim i Belgorodskim* [Verbal Milk or a collection of words spoken to the Kursk flock by Iliodor, Bishop of Kursk and Belgorod]. Sankt-Peterburg. 1: 195 p. (In Russ.).

Iliodor, episkop. (1839). *Slovesnoye mleko ili sobranie slov, proiznesennykh k kurskoy pastve Iliodorom, episkopom Kurskim i Belgorodskim* [Verbal Milk or a collection of words spoken to the Kursk flock by Iliodor, Bishop of Kursk and Belgorod]. Sankt-Peterburg. 2: 167 p. (In Russ.).

Kirill, (Pavlov), arkhimandrit. (2000). *Ishchite prezhde Tsarstviya Nebesnogo: propovedi* [Seek First the Kingdom of Heaven: Sermons]. Moskva: Moskovskoe podvorye Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 448 p. (In Russ.).

Menetrov, M., svyashchennik. (1905). *Pastyrskie nastavleniya. Prazdnichnye poucheniya* [Pastoral Instruction. Holiday Teachings]. Moskva: Izdanie zhurnala Voskresnyy den'. 184 p. (In Russ.).

NKRYa — Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru. (accessed 08.06.2020) (In Russ.).

Nikolay, mitropolit Krutitskiy i Kolomenskiy. (1954). *Slova i rechi. (Slova, rechi i statyi. 1954—1957 gg.)* [Words and speeches. (Words, speeches and articles. 1954—1957)]. Moskva: Izdanie Moskovskoy Patriarkhii. 2—4 (3): 487 p. (In Russ.).

Nikolay, mitropolit Krutitskiy i Kolomenskiy. (1957). *Slova i rechi. (Slova, rechi i statyi. 1954—1957 gg.)* [Words and speeches. (Words, speeches and articles. 1954—1957)]. Moskva: Izdanie Moskovskoy Patriarkhii. 2—4 (4): 472 p. (In Russ.).

Svyatoy pravednyy Ioann Kronshtadtskiy. (2002). *Moya zhizn' vo Khriste ili minuty dukhovnogo trezveniya i sozertsaniya, blagogoveynogo chuvstva, dushevnogo ispravleniya i pokoya v Boge* [My life in Christ or minutes of spiritual sobriety and contemplation, reverent feeling, spiritual correction and peace in God]. Moskva; Sankt-Peterburg: Lestvitsa-Dioptra. 576 p. (In Russ.).

Vladimir, (Ikim), mitropolit. (2009). *Vrata pokayaniya: Slova, proiznesennye v raznye gody v period peniya Triodi postnoy* [Gate of Repentance: Words spoken in different years during the singing of the Lenten Triodion]. Moskva: Sibirskaya Blagozvonnitsa. 925 p. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], *40 (4):* 356—367. (In Russ.).

Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moskva: Progress. 448 p. (In Russ.).

Bobyreva, E. V. (2007). *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)*: *author's abstract of Doct. Diss.* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox faith). Author's abstract of Doct. Diss.]. Volgograd. 42 p. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1991). Semantika litsa [Face semantics]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Personalnost'. Zalogovost'* [Functional grammar theory. Personality. Pledge]. Sankt-Peterburg: Nauka. 5—41. (In Russ.).

Burtsev, V. A. (2017). Problema subyektivnosti vyskazyvaniya v diskurse na primere povelitelnykh predlozheniy [Problem of Subjectivity in a Discourse in Terms of Imperative Sentences]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature], *14 (4)*: 567—582. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406. (In Russ.).

Burtsev, V. A. (2020). Upotreblenie svyazochnykh predlozheniy v diskurse russkoy pravoslavnoy propovedi v kontekste rechevogo akta [Use of cohesive sentences in the discourse of Russian Orthodox preaching in the context of a speech act]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], *1:* 103—114. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114. (In Russ.).

Fuko, M. (2004). *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga. 416 p. (In Russ.).

Kaminskaya, T. L. (2008). Struktura kategorii «obraz adresata massovoy kommunikatsii» [Structure of the category "image of the addressee of mass communication"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], *12:* 47—55. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ.).

Khimik, V. V. (1990). Kategoriya subyektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke [Category of subjectivity and its expression in Russian]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 182 p. (In Russ.).

Klark, G. G., Karlson, T. B. (1986). Slushayushchie i rechevoy akt [Listeners and speech act]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike: sbornik statey. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics: a collection of articles. Theory of speech acts]. Moskva: Progress, 17: 270—321. (In Russ.).

Kobozeva, I. M. (2004). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Editorial URSS. 352 p. (In Russ.).

Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. (1991). Semantika predikatov dolzhenstvovaniya v russkom yazyke [Semantics of obligation predicates in Russian]. *Russistik, 1:* 68—76. (In Russ.).

Kruchinina, I. N. (1990). Obrashchenie [Appeal]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Sov. entsiklopediya. 340—341. (In Russ.).

Krylova, O. A. (2003). Tserkovno-religioznyy stil [Church-religious style.]. In: *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Flinta, Nauka. 612—616. (In Russ.).

Layonz, Dzh. (2003). Lingvisticheskaya semantika: vvedenie [Linguistic semantics: an introduction]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 400 p. (In Russ.).

Mikhalskaya, A. K. (1996). Russkiy Sokrat: lektsii po sravnitelno-istoricheskoy ritorike. [Russian Socrates: Lectures on Comparative Historical Rhetoric]. Moskva: Academia. 192 p. (In Russ.).